

Все о Еве

НО СНАЧАЛА — «свадьба Джульетты». Народная артистка СССР, лауреат Государственной премии СССР, лауреат премии Ленинского комсомола Екатерина Максимова знает о шекспировской героине все. Недаром она — участница трех наиболее значительных, художественно ценных балетных воплощений старинной трагедии: в исторически известной постановке Леонида Лавровского на музыку Сергея Прокофьева в Большом театре и позднее в брассельском «Балете XX века» под руководством Мориса Бахара. Его «Ромео и Юлия» на музыку Гектора Берлиоза открыли публике особое, обостренное чутье к современной хореографии, скрытое в индивидуальности Максимовой. И вот третья встреча с Джульеттой — с новой работой Максимовой в «Московском классическом балете».

Художественные руководители коллектива лауреаты Государственной премии СССР, народная артистка РСФСР Наталья Касаткина и заслуженный деятель искусства РСФСР Владимир Васильев назвали свою редакцию прокофьевского творения «Поэзия о Ромео и Джульетте». Имеято так — в точном соответствии с заданным жанром, неспешно и величаво развешивает Максимова «свиток бытия» своей роли.

Неспешное существование максимовской Джульетты в спектакле отнюдь не тождественно отсутствию динамизма, либо холодному бесстрастию. Напротив, с первого появления ошутим стремительный заряд будущего развития. Казалось бы, в экспозиции роль надделена балетмейстерами весьма сильной долей инфантильности. Пробуждение избалованной девочки, наследницы знатнейшего веронского рода, общей любвицы, маленького «семейного идола», выстроено на тонко обыгранных в пластике и танце приметах и черточках детства. Кому, как не Максимовой с ее органической, словно врожденной способностью рисовать танцем зарю человеческой судьбы, прочувствовать и воссоздать это пробуждение ребенка?

Но кому, как не Максимовой, вдруг совершенно неожиданно вставить в начальный эпизод роли глубокий символический — яркий смысл? Перед нами возникло пробуждение характера, предчувствие неизреченных эмоций, предощущение еще неизвестных событий. В безмятежную лень, а порой и шаловливую беспечность, в интонации общения с близкими закрались удивительные паузы. Танцует, беседуя с домашними, готовится к первому выходу в веронский свет, примеривая первый балетный наряд с алым шлейфом, она невольно «отключается» от внешнего течения бытия, вслушивается в свои смутные, словесно не выраженные мысли, в свои выбли, светлые ожидания.

И в ее непосредственности, и в послушности, с какой она вторит сеньоре Капулетти, выучивая «приемы этикета», все время бьется, пульсирует внутренний душевный трепет.

Максимовская Джульетта излучает потоки тепла, сияние доброты и веры в жизнь. Разумом осознавая грозу вековой розни меж кланами Ромео и своих близких, сердцем она верит в благосклонность фортуны. Для любви созданная, она дышит любовью не только в дуэтах, но и в сольных монологах, и в ансамблях с действующими лицами. Более того, Максимова — Джульетта безоглядно ставит знак равенства меж жизнью и любовью, ищет в торжестве жизни.

Тем не менее, тем разительней ей глеч по Тибальту. Откуда возникает в ее движениях монументальная власть масштаба? Где попернула она столь суровые, патетические интонации?

Пафос трагедии, выраженный человеком и трогательно, достигает своих вершин в финале. И живая Джульетта в придуманном постановщиком апофеозе счастливо контрастирует с мгновением гибели героини. Публика в переполненном Центральном концертном зале восторженно приветствовала новую Джульетту.

А ШЕСТЬ тысяч зрителей в Кремлевском Дворце съездов с такой же симпатией встретили новую Еву. Когда-то фрагмент из «Сотворения мира» вошел в телевизионный фильм «Хореографические миниатюры» в блестящем исполнении Е. Максимовой и Владимира Васильева. Относительно недавно миллионы телезрителей видели экранную версию балета А. Петрова. Но экран экраном, а ничто не заменит преимущества живого спектакля. Казалось бы, нет ничего странного в том, что именно Максимова поняла и с присущим ей веселым озорством (вспомним Галатею, Петра, Натали и даже Китри) воплотила комедийную стихию рисунков Жана Эффеля. Разумеется, в ней нет той карикатурности. Пленительный, всепроникающий комизм соединен с доброй и насмешливой улыбкой исполнительницы по отношению к своей героине. В ней — любовь к истинной женщине, не терпящей ничего непознанного. Обезоруживающее сознание своей власти над всеми, хитроумные уловки в играх с партнером...

Возвращенная высоко над сценой ее Ева по праву, «по рождению» становится объектом восхищенного поклонения персонажей. Взаимодействие самой задротной комедийности с самым чистым, самым сердечным лиризмом дает возможность во второй части спектакля, ответив музыка и хореографии, выйти в сферу обобщений широких и по звучанию современных. Ужас, лепет и тьма катастрофы, страх утрат и героическое одоление небытия — так звучит дуэт Адама и Евы сквозь пелену серого тумана. Радуюсь солнцу финала со спасенным и приумноженным чело-вечеством, мы уходим из театра, унося образ максимовской Евы: ее превращений из строптивого, любознательного дитяти в Героиню, что проходит все круги ада и оказывается сильнее всех зловойны. Максимова нигде не декларирует антивоенный на-кл спектакля и самой роли. Тем дороже, что столь актуальный смысл неизбежно вычитывается, выводится из ее интерпретации. И есть у балерины помимо высочайшего мастерства, помимо всеобъемлющего жанрового диапазона одно счастливое качество — это цветущий, лучезарный, победительный артистизм. Прекрасен дуэт Екатерины Максимовой с лауреатом Всесоюзного и Международного конкурсов, заслуженным артистом РСФСР, лауреатом премии Вацлава Нижинского Станиславом Исаевым. Талантливый исполнитель ролей Ромео и Адама, в лице Максимовой он не просто приобрел редкостную партнершу. Для Исаева каждый спектакль с Максимовой — ступень восхождения к истинному мастерству. Недаром так успешно проходили их совместные представления во Франции и Англии, где гастролировал «Московский классический балет».

Е. ЛУЦКАЯ